

УДК 111.11:821.161.1«19»

Поэзия С.А. Есенина и философия: точки соприкосновения

А.А. СЫНАХ

Сумской государственной университет, г. Сумы, Украина

E-mail: info@socio.sumdu.edu.ua

Авторское резюме

В статье анализируются философские вопросы бытия в лирике С.А. Есенина, на примере которой обосновывается глубинная связь философии и поэзии как специфического вектора развития духовной культуры.

Вероятно, любая истинная поэзия является философской, также как и любая истинная философия поэтична; но еще более очевидно, что большинство лирики далеко от философской и в большинстве своем актуальная философия не рождалась поэтами. Многие авторы скорее найдут материал, нежели результат; то, о чем можно пофилософствовать, но не философию. Философ-поэт раскроет реальность в целом, как нечто упорядочивающее ценности его внутренней жизни. Он не только отыщет определенные вещи в качестве наиболее достойных объектов действия или созерцания, но и увидит этому причину, поскольку призовет вселенский суд на помощь.

В этом общем смысле Сергей Есенин является философом-поэтом. Его знания охватывают не только конкретный опыт, но и опыт человеческой природы; и сознания, полного и разнообразного, как и само общество. Но есть знание недоступное никому, знание, постигаемое посредством координации всех аспектов человеческого опыта как частного, так и общего. Философ-поэт утверждает себя через фундаментальную природу вселенной. Ценности, которые он постигает, гармоничны и до сих пор остаются таковыми, возвышаясь над множеством благ, превосходя и объединяя их. Есенин побуждает нас пережить вместе с ним красоту и движение в природе и жизни. Он один из тех, кто во многом видит единое. Как истинный философ-поэт он визуализирует фундаментальные интерпретации мира.

Размышления о взаимосвязи поэзии и философии обречены на незавершенность, что связано со специфической трансцендентной природой данных феноменов. Однако сам этот факт уже указывает на их родственность, так как, являясь исключительно емкими и многогранными сферами духовности, они пребывают за пределами возможного опыта и реальности, имманентной нашему сознанию.

Ключевые слова: поэзия, философия, творчество, бытие, панпсихизм, диалектичность, смысл жизни, истина.

Poetry S.A. Esenina and Philosophy: the point of contact

А.А. SYNAKH

Sumy state university, Sumy, Ukraine

E-mail: info@socio.sumdu.edu.ua

Abstract

The article analyzes the philosophical questions of being in the S.A. Yesenin's lyrics, on which example deep link between philosophy and poetry as a specific vector of development of spiritual culture is justified.

All true poetry is philosophical, as it may be that all true philosophy is poetical; but it is much more certain that much actual poetry is far from philosophical, and that most actual philosophy was not conceived or written by a poet. Many authors will find often material, but not results; much to philosophize about, but no philosophy. The philosopher-poet will find reality as a whole to be somewhat that accredits the order of values in his inner life. He will not only find certain things to be most worthy objects of action or contemplation, but he will see why they are worthy, because he will have construed the judgment of the universe in their favor.

In this general sense, Sergey Yesenin is a philosopher-poet. He has a knowledge not only of particular experiences, but of human nature; and a consciousness full and varied like society itself. But there is a kind of knowledge possessed by neither, the knowledge sought by coordinating all aspects of human experience, both particular and general. The philosopher-poet justify himself in view of the fundamental nature of the universe. The values which he apprehends are harmonious, and so far above the plurality of goods as to transcend and unify them. Yesenin invites us to experience with him the beautiful and moving in nature and life. He is one who, in seeing the many, sees the one. As the real philosopher-poet he visualizes a fundamental interpretation of the world.

Reflections on the relationship of poetry and philosophy are doomed to incompleteness, due to the specific transcendental nature of these phenomena. However, this fact is a sign of their relatedness, as an exclusively capacious and multifaceted areas of spirituality they remain beyond possible experience and realities immanent to our consciousness.

Keywords: poetry, philosophy, creativity, being, panpsychism, dialectics, meaning of life, truth.

© А.А. Сынах, 2013

Не знали вы,
 Что я в сплошном дыму,
 В развороченном бурей быте
 С того и мучаюсь, что не пойму –
 Куда несет нас рок событий.
 (Сергей Есенин)

Постановка проблемы. Современная философия опирается на огромный опыт мудрецов разных времен и народов. Однако неоправданно скромно оценен вклад в эту науку людей, непосредственно с ней не связанных, но создавших неповторимые произведения, в которых глубоко и по-своему уникально раскрыты вечные вопросы о жизни и смерти, добре и зле, низком и прекрасном, а в конечном итоге – о цели нашего пребывания в этом мире. Среди таких «непризнанных философов» поэт Сергей Александрович Есенин.

Этот писатель и доступен, и в то же время очень сложен. Нет человека, который бы до конца его понял; нет пока и критика, который смог бы объяснить и прокомментировать все богатство содержания есенинской поэзии. Как нет пока и философа, который бы полно и емко смог раскрыть всю многогранность связей поэта с этим миром в его стихах.

Анализ исследований и публикаций. О влиянии поэта на развитие литературы говорили многие выдающиеся литературоведы и писатели: Ю. Прокушев, И. Эвентов, Л. Заманский, В. Перцов, В. Шошин, С. Кошечкин, Е. Винокуров, В. Федоров и многие другие. Однако неоправданно скромно оценен его вклад в другие сферы культуры и искусства. Свою лепту в развитие новых научных направлений есениноведения, а именно – исследование философских мотивов лирики Сергея Александровича вносят такие видные отечественные и зарубежные ученые, как Гордон Маквей (Англия), Мария Павловски (США), Константин Пономарев (Канада), Мишель Нике (Франция), Серджо Пескатори (Италия), Леонард Кошут (Германия), Тиэ Ош (Япония), Ежи Шокальский (Польша), Миордаг Сибинович (Сербия), Эдуард Мекш (Латвия), Людмила Киселева (Украина), Александр Лагуновский (Россия), Ольга Воронова (Россия) и другие. В большинстве своем данные исследования касались анализа религиозно-этической, экзистенциальной и философско-психологической проблематики, порой даже с применением методологии фрейдистского психоанализа к творчеству С. Есенина (А. Лагуновский).

Целью исследования являются анализ и актуализация онтологических, бытийственных основ и аспектов есенинской лирики.

Изложение основного материала. Во все века истинная Поэзия – это исследование свя-

зей человека с землей и небом, с обществом, историей, с прошлым, настоящим и будущим. Простота и доступность лирики С. Есенина подчас скрывают от глаз те огромные духовные глубины, которые в ней подспудно содержатся. Это не просто исповедь «человека из народа». Есенин – национальный мыслитель. И он по-философски масштабно и крупно мыслит, затрагивая самые существенные проблемы: о жизни и смерти, об истории и революции, о судьбе отдельной личности и всего народа, о месте человека в этом огромном мире:

Я думаю:
 Как прекрасна
 Земля

И на ней человек.

Мысли его и сейчас интересны. Поэт, истинный поэт – это всегда сейсмограф, компас. Он передает колебания эпохи, он фиксатор; по нему мы определяем пути истории, силу подземных толчков. Надо только, чтобы этот сейсмограф был чуток, компас – точен. Человек не может жить, а тем более творить вне мира, вне общества и времени.

В юности для С. Есенина источником вдохновения, радости жизни и творчества была природа. Без нее мы не представляем себе поэта. Он сам является частью прекрасного, травяного, лугового, озерного мира, сравнивая цвет своих волос с золотым кленом, с колосьями зрелой пшеницы, цвет глаз – с озерной синью или с «выцветшим ситцем небес». Он – дитя природы, влюбленное в нее с колыбели, всосавшее ее красоту с материнским молоком:

Родился я с песнями в травном одеяле.

Зори меня вешние в радугу свивали.

Поэт часто одухотворял изображаемые предметы и изображаемые явления природы, приближая их к мифологическим образам. Например, деревья в его стихах живут, улыбаются, вздыхают, им даже снятся сны, – они уподобляются людям: «Словно белою косынкой подвязалась сосна. Понагнулась, как старушка, оперлася на клюку...»; «Улыбнулись сонные березки, растрепали шелковые косы. Шелестят зеленые сережки, и горят серебряные росы». «Роща грозится еловыми пиками», «темным елям снится гомон косарей»... С. Есенину было дано понимать и чувствовать природу как никому. Он был допущен к ней, как к святой святых. Слушал ее шорохи, впитывал ее красоту. Поэт осознавал, что природа чище, выше, мудрее самого венца творения. И только она способна дать человеку силу жить, жить достойно и полноценно. По С. Есенину, духовное начало, человек и природа – одно. В этом отразился своеобразный поэтический панпсихизм писателя.

Сергей Александрович считался и многие

сейчас его еще считают крестьянским поэтом. Да и сам он о себе писал: «Я последний поэт деревни». Корнями своей души он врос в рязанскую землю, любя ее искренне и преданно. Возможно, поэтому так по-крестьянски, сумбурно и эмоционально воспринял революцию, эту «стальную конницу», за которой не угнаться красногривому резвому жеребцу. От всей души приветствуя революционную новь, поэт не понимал подлинного исторического и социального содержания наступивших в стране перемен – их пролетарского социалистического характера. Да и картины самой революционной борьбы окрашены у С. Есенина романтикой мужицкого бунта. Вот что значило «принимать все по-своему, с крестьянским уклоном». Все это послужило причиной духовного кризиса, пережитого писателем в годы военного коммунизма. Чисто потребительский социализм «Июнии» и других произведений этого периода имел много общего с социализмом, за который боролся народ.

Должна была отчалить, уступить свое место новым формам жизни избяная, патриархальная Русь. Первые нотки жалости к этой «отчавившей» Руси прозвучали в поэме «Иорданская голубица», где отжившее, но такое дорогое сердцу поэта деревенское прошлое предстает в образе плывущего по небу впереди гусиной стаи, убивающегося от тоски лебедя:

Земля моя золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.
.....
А впереди их лебедь.
В глазах, как роца, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчавившая Русь?

С. Есенину казалось, что новая жизнь, при которой родные поля оглашаются механическими звуками «железного коня», нарушают извечную гармонию человека с природой. Поэтому он испытывал не столько неприязнь к «чугуну» и «железу», сколько жалость к тому, что безвозвратно уходит из жизни. «Трогает меня в этом, – писал поэт одному из своих друзей, – только грусть за уходящее милое родное звериное и незыблемая сила мертвого механического» [11] – и далее приводил случай, послуживший толчком к написанию поэмы «Сорокоуст» – одного из самых известных своих произведений: рядом с идущим по железной дороге поездом изо всех сил мчится, стараясь не отстать, но безнадежно теряя скорость, маленький смешной жеребенок, символизирующий старую, изначальную деревенскую жизнь.

Рассказу о жеребенке предшествует яростная и тревожная филиппика автора, направ-

ленная против оскудения и разграбления природы, чинимых «железным гостем»:

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

.....

Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.

Вот он, вот он с железным брюхом,
Тянет к глоткам равнин пятерню...

«... Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал...» [11], – разочарованно говорит С. Есенин в том же письме. Действительно, процесс революционного преобразования жизни шел не так, как предполагал поэт.

Революция не стала для него истинныманием, той дорогой, которой была для В. Маяковского, Д. Бедного, А. Белого. «Россия! Кто ты? Марево или путь? Куда же мне, куда теперь идти?». Писатель не видит пути. Он заблудился. Отсюда трагедия душевная, духовный кризис. Смысл жизни утрачен. Потому что без России С. Есенин себя не мыслит, не представляет.

Сложен и запутан путь поэта. Поиск цели в жизни, в этом страшном шатком мире он видел только в творчестве. Поэтому служил обществу стихами, самореализовываясь в поэзии. Себя вне поэзии он не мыслит.

Начав как русский православный платоник, С. Есенин кончил глубоко разочарованным человеком, смертельно зараженным цинизмом. С одной стороны его тянули к себе представители Руси хлыстовской, раскольнической, с другой – городская артистическая опустившаяся богема. Но писатель тянулся к свету. Тянулся и к новому, к тому, что шло вместе с новым, доселе не существовавшим строем. Однако груз прошлого тяготел над ним – он не смог вновь связать в узел концы того, что в нем порвалось.

В творчестве С. Есенина, почти в каждом его стихотворении, сочетались полярности: высокое и низкое, духовность и реальная материальная конкретность, необычайная нежность и мрачный цинизм:

Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились –
Значит, ангелы жили в ней.

Сочетание несоединимого, резкая, подчеркнутая контрастность, доходящая до парадок-

сов. Мы находим эти причудливые сочетания в самых кратких определениях и эпитетах: «загрустила... радость», «солнце мерзнет», «тоска веселая», «звонно чахнут», «багряная метель», «алый мрак» и даже «свадьба похорон». Здесь поэт не играет словами. Он лишь старается постичь непреодолимые контрасты самого бытия и собственной сущности. Он как бы вживается в противоречия всего окружающего, и отдельные предметы, качества, цвета начинают терять для него каноническое значение. Гамма его чувств, настроений широка и пестра потому, что такова жизнь с ее вездесущей глубинной диалектичностью.

Определяя понятие личности, Лев Платонович Карсавин заметил: «Личность – конкретно-духовное или (что то же самое: недаром «личность» от «лица») телесно-духовное существо, определенное, неповторимо-своеобразное и многовидное» [7, с. 370]. Сергей Есенин многолик как в поэзии, так и в жизни. Он неповторим и индивидуален, но вместе с тем он личность, постоянно стилизирующая себя, превращаясь подчас в добра молодца старой Руси или бродягу, иногда «белобрысого босяка», отрока, удалого лихача-кудрявича, инока, «хулигана». Однако все эти многочисленные временные маски – лишь маленькие «я» самого поэта, которые наперебой стремятся предстать окружающим. Одно «я» – дерзкое и надменное, грубое и бесстыжее. Второе «я» – сама скромность, чистота и нежность. Третье – готово обнять весь мир. Четвертое – оттолкнуть его... Все это разные лики одного С. Есенина.

Философствующий поэт требовал от стихов высокого полета. Всю жизнь он стремился следовать законам этого «высокого полета». «Быт, – писал он, – нужен только как отправная точка» [11].

Три главных состояния определяют всю поэзию и жизненную позицию Сергея Александровича: это благоговение перед высоким, сострадание к равному себе, презрение к низкому. Поэт преклонялся перед тем, что выше его, – перед чудом вселенной, перед прекрасной тайной мироздания и человеческой чистотой: «Я одну мечту, скрывая, нежу, что я сердцем чист». Он создавал произведения такой нравственной чистоты, какой, по словам Ф.М. Достоевского, «невозможно представить себе без огромного нравственного запроса в самой душе поэта» [11]. В натуре, в душе С. Есенина были необычайно сильны идеальные запросы. Они-то и способствовали созданию, особенно в раннем творчестве, тех изумительных строк, того колорита и напряжения, которое мы до сих пор ощущаем в его стихах.

Писатель всегда сочувствовал всему живому, равному себе, своим братьям – людям и

животным: «для зверей приятель я хороший», «оттого и дороги мне люди, что живут со мною на земле», «и зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». Природа, люди, животные – это реальный мир, связь с которым выплескивается в слова.

Поэт ужасался, стыдился, презирал то, что было ниже его. Он с ужасом говорил о «логове жутком», о своем падении; в нем жило острое ощущение греха. С. Есенин болезненно переживал «все низкое» на свете, физиологическое – бездушное, презирал низменную, «чувственную дрожь». Он восклицал: «Удержи меня, мое презренье». Писатель стыдился того состояния, в котором он был последние годы. Поздняя лирика – это плач по утраченной чистоте. С какой болью поэт говорил: «О, моя утраченная свежесть, буйство глаз и половодье чувств!». Он ненавидел ту «темную силу», что противостояла «свету» его юности. Живя в темноте греха, в бытовых неурядицах, он тянулся к чистоте и нежности своих первых чувств и порывов, к целомудренности первой любви. Хотя и любовь не принесла счастья, душевного и духовного равновесия. Покоя и радости в любви поэт так и не нашел:

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, –
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подождешь.

В стихах о любви позднего периода творчества много грусти, размышлений повторимости и недолговечности чувств, о закономерностях их накала и угасания:

Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

.....

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь, –
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.

Увы! Все приходит и уходит. Все мимолетно. «Все суета сует», – будто вторит С. Есенин мудрому Соломону только в поэтической формуле: «все мы, все мы в этом мире тленны», «все пройдет, как с белых яблонь дым», «в этом мире умереть не ново, но и жить, конечно, не новей».

В последние годы своей жизни поэт много думает о смерти, о «неверии в благодать»:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

С неверием в благодать, но под иконами, в белой рубашке. Тоска по чистоте и свежести с особенной болью отозвалась в лирике. Все стихи С. Есенина – это он сам, его подлинный лирический дневник.

«Я человек, познавший Истину» [11], – писал он в 1913 году. Познавший истину, умеющий говорить со своей тенью. «Черный человек» – сильнейшая поэма писателя. Ее содержание – катастрофа, и катастрофа не придуманная, а настоящая, реальнейшая, крах жизни. Поэт говорит со своей тенью, темной стороной души, которая была следствием того ослепительного света, очень ему близкого, но к которому он так и не смог прийти.

Творческий человек – как летающая рыба: часть времени над водой, часть под водой; он может, вернее должен, находиться в двух стихиях: в мире воображаемом и в мире реальном; эта двойственность и ломает его. Трудно жить одновременно по двум законам: по законам абсолютной красоты и по циничным житейским законам. С. Есенин был разорван этой двойственностью. Слишком много души поэт вкладывал в одну бытовую частность, в одно слово. Эта чрезмерная абсолютизация единичного не может не сказаться на судьбе. Писателю было присуще тонкое ощущение мира, его внутреннего движения. Подобно Сократу, он судит мир не по относительным критериям, а по абсолютным. Вот эта бескомпромиссность и рождает талант. Необычайно высоки были нравственные запросы Сергея Александровича в юности. Казалось, он готовил себя не в поэты, а в святые: отказался от мяса, не пил спиртного, не носил кожаные вещи. Оттого так неожиданно, безнадежно и болезненно было его падение, так страшен и мучителен конец.

Почему С. Есенин поэт бессмертный? Потому, что ему дано редчайшее качество: ощущение вечности; он всякое явление, всякую вещь, предмет рассматривал с точки зрения вечности. Он был земным, очень земным, но по его же, есенинскому, выражению, реальный земной человек находится внутри «обстающего его храма вечности». Умение видеть минутное на ослепительном фоне вечности – дар писателя, который дает ему возможность избежать фельетона быта. И поэт всеми силами души стремится подняться к прекрасному, и только к нему, хотя, по его словам, прекрасного в чистом виде нет, но «это еще не значит, что оно не существует». «Оно есть и манит, как далекая звезда» – убежденно вторит Платону С. Есенин, одновременно вступая в полемику с Ж.-Ж. Руссо. Вот эта душевная напряженность, устремление к недостижимому идеалу и делает есенинскую поэзию необычайно возвышенной и отличной от «заземленной» бытовой поэзии других лириков. Ощущение вечности никогда не покидало художника. Сергей Александрович, как никто другой, умел благоговеть перед высоким, а это очень продуктивное чувство, которое поднимало его поэзию и вызывало ответ-

ное чувство у читателя. «Осенью 1925 года, – сообщает С.А.Толстая, – после возвращения в Москву из Баку С. Есенин несколько раз говорил о том, что он хочет написать цикл стихов о русской зиме... В течение трех месяцев, почти до самой своей смерти, Есенин не оставлял этой темы и написал двенадцать стихотворений, в которых отразилась русская зимняя природа...». «Дальше поэт вспоминает свою жизнь» [9, с. 305], – делает еще одно существенное добавление С.А.Толстая. Слова эти подсказывают нам: смысл цикла, конечно не в том, чтобы панораму русской природы дополнить пейзажами зимы, а в необходимости сказать нечто жизненно важное, волновавшее автора и требовавшее от него определенных изобразительных средств.

Почти весь цикл выдержан в образах русской зимы, но в образах не раздумчивых и спокойных, а метельных, бурных, вихревых: «Плачет метель, как цыганская скрипка», «Ах, метель такая, просто черт возьми!», «За окном под метельные всхлипы»... Не нужно доказывать, что все это отнюдь не «зимние картинки», не слепки с природы, а знаки определенных психологических состояний; потому что при всей своей верности природе, они очень экспрессивны, преисполнены авторских чувств. Снежная метель – это смятение сердца, бойкий снежный вихрь – это время, умчающееся счастье и радость, а свищущий в поле серебряный ветер – вестник бодрости, жизни, удачи. Как же объединить все эти чувства в одном лирическом герое? Как соотносить их с раздумьями поэта о прожитой жизни, которыми пронизано не одно стихотворение цикла и о которых поэт сам напоминает в следующих строках: «Слушай – под эту гармонику снежную я расскажу про свою тебе жизнь...».

Комплекс чувств, выражаемых здесь мастером слова, довольно сложен, но его никак нельзя отнести лишь к «панихидным» и скорбным мотивам. Одно-единственное стихотворение, состоящее из четырех строк, могло бы служить основанием для подобной трактовки:

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.

И березы в белом плачут по лесам.

Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

Если, однако, вчитаться в эти строки и взять их в контексте всего цикла, картина получается иная. Поэт осмысливает свою жизнь, констатирует необратимость времени и неизбежность смерти – так в самых общих словах можно выразить содержание цикла. Сам по себе он не заключает зерна пессимизма. Скорее это философски-медитативное выражение вечного, непреложного закона круговращения бытия, заставляющего каждого человека

оглянуться на свое прошлое. Это последние стихи С. Есенина. Итог его жизненных и творческих исканий. Поэт мечтал о новой жизни, он пытался вырваться из нездорового окружения затхлой богемы. К нему навязывались люди, которые постоянно твердили, что его стихи никому не нужны. Они знали, что эти слова сломают писателя. «Друзей» устраивали легендарные скандалы знаменитости. Трезвый поэт им был не нужен. «Стыдно ждать пощады за талант», – заметила однажды Юнна Мориц. С. Есенина не пощадил. «Я не могу найти дороги, если не пою». Так говорил известный поэт-мыслитель Рабиндранат Тагор, то же всегда чувствовал и С. Есенин. Он заблудился, потому что в последние дни своей жизни ему не пелось. Он был тяжело болен душевно, духовно, что подорвало и физические силы. От жестокой сильной боли не запоешь, будет лишь крик, а не пение. Отсюда и трагедия человека, мыслителя и поэта.

Выводы. Стихи Есенина, прежде всего, обращены к современникам, к их сердцам и душам, к их разуму, но еще больше они обращены к нам, в завтрашний день человечества. Истинная поэзия, так же как и философия, всегда с заглядом в будущее. То, что в ней художественно, философски общечеловечно, со временем, «на расстоянии» становится очевидным для всех: либо общей радостью и озарением, либо общей болью, заботой и тревогой. Мировое значение Есенина, действенная сила его народной поэзии определяется прежде всего тем, что он сумел понять, осмыслить философски и раскрыть художественно стремление народа мира найти путь к духовному возрождению. Чем сильнее, глубже в стихах чувство Родины, тем ярче и определеннее в них национальное начало, тем они общечеловеч-

нее, а значит – ближе народам других стран и наций. Творчество С. Есенина оказало огромное влияние на все сферы жизни русского общества, стало ценнейшим достоянием мировой культуры.

«Мнимая разница между философией и поэзией вредит им обоим», – сказал один древний стихотворец. Поэзия есть документ философии. Потому что потрясенный, видящий мир в образах, мыслитель и есть поэт, лирический философ. Настоящий талант всегда учит видеть мир как целое. Рисовать словом и мыслить – вот основная задача художника. С. Есенин писал стихи, как пишут дневник, изо дня в день, – мгновенно фиксируя свои состояния, свои тончайшие душевные движения. И всю жизнь поэт стремился к целостному, а значит и наиболее органичному восприятию бытия, мучился, задавая себе вечно волнующий вопрос: «Куда несет нас рок событий?». И может ли человек предотвратить этот рок, повлиять на их ход? И чем? Своим творчеством? Реальна ли формула «красота спасет мир», действительна ли она? Только творчество было единственной целью и дорогой для С. Есенина. Только с пером он понимал жизнь, только поэзия поднимала его над реальностью, над бытом. Недаром один из наших современников сказал: «Поет рівняється лиш Богу у творенні краси – джерел всіх джерела».

Размышления о взаимосвязи поэзии и философии обречены на незавершенность, что связано со специфической трансцендентной природой данных феноменов. Однако сам этот факт уже указывает на их родственность, так как, являясь исключительно емкими и многогранными сферами духовности, они пребывают за пределами возможного опыта и реальности, имманентной нашему сознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Винокуров Е.М. Поэзия и мысль / Е.М. Винокуров. – М.: Сов. Россия, 1966. – 86 с.
2. Воронова О.Е. Мировое есениноведение: современные аспекты интерпретации творчества С. Есенина / О.Е. Воронова // Филологические науки. – 1992. – №2. – С. 46-92.
3. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научн. изд. – Рязань: Узорочье, 2002. – 520 с.
4. Гачев Г.Д. Есенин / Г.Д. Гачев // Русская дума: Портреты русских мыслителей. – М., 1991. – С. 121-133.
5. Есенин С.А. Собрание сочинений: в 6 т. / С.А. Есенин. – М.: Художественная литература, 1977-1980.
6. Зуев Н.Н. Поэзия С.А. Есенина. Народные истоки. Философия мира и человека / Н.Н. Зуев // Русская литература. XX век. Справочные материалы. – М., 1995. – С. 75-84.
7. Карсавин Л.П. Прологомены к учению о личности / Л.П. Карсавин // Русская философия: конец XIX – начало XX века: Антология. – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1993. – С. 370-380.
8. Мамлеев Ю.В. Есенин и кризис современной цивилизации / Ю.В. Мамлеев // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. – М., 1997. – Вып. 3. – С. 368-375.
9. Семенова С.Г. Философская лира Сергея Есенина / С.Г. Семенова // Молодая гвардия. – 1996. – № 10. – С.36-49.
10. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / [сост. и коммент. А.А. Козловского]. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 2. – 446 с.
11. Сергей Есенин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esenin.niv.ru/> (дата обращения: 03.07.2013). – Название с экрана.

Статья поступила в редакцию 22.07.2013

REFERENCES:

1. *Vinokurov E.M.* Pojezija i mysl' (Poetry and thought). Moscow, 1966, 86 p.
2. *Voronova O.E.* Mirovoe eseninovedenie: sovremennye aspekty interpretacii tvorcestva S. Esenina (World study of Yesenin's poetry: modern aspects of the interpretation of Yesenin's creativity). *Filologicheskie nauki*, 1992, no. 2, pp. 46-92.
3. *Voronova O.E.* Sergej Esenin i russkaja duhovnaja kul'tura: Nauchn. izd. (Sergey Yesenin and Russian spiritual culture). *Ryazan*, 2002, 520 p.
4. *Gachev G.D.* Esenin (Yesenin). *Russkaja дума: Portrety russkih myslitelej*, 1991, pp. 121-133.
5. *Esenin S.A.* Sobranie sochinenij: v 6 t. (Collected Works: 6 Vol.). Moscow, 1977-1980.
6. *Zuev N.N.* Pojezija S.A. Esenina. Narodnye istoki. Filosofija mira i cheloveka (S.A. Yesenin's poetry. Folk roots. The philosophy of the world and man). *Russkaja literatura. XX vek. Spravochnye materialy*, 1995, pp. 75-84.
7. *Karsavin L.P.* Prolegomeny k ucheniju o lichnosti (Prolegomena to the doctrine of the personality). *Russkaja filosofija: konec XIX – nachalo XX veka: Antologija*, 1993, pp. 370-380.
8. *Mamleev Ju.V.* Esenin i krizis sovremennoj civilizacii (Yesenin and the crisis of modern civilization). *Stoletie Sergeja Esenina: Mezhdunarodnyj simpozium*, 1997, no. 3, pp. 368-375.
9. *Semenova S.G.* Filosofskaja lira Sergeja Esenina (Philosophical lira of Sergey Yesenin). *Molodaja gvardija*, 1996, no.10, pp. 36-49.
10. S.A. Esenin v vospominanijah sovremennikov: v 2 t. (S.A. Yesenin in the memoirs of contemporaries: 2 Vol.). Moscow, 1986, Vol. 2, 446 p.
11. Sergej Esenin (Sergey Yesenin). Regime to access: <http://esenin.niv.ru/>

Сынах Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент
Сумской государственной университет
Адрес: 40007, Украина, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2, корпус Г-707
Телефон: +38 (542) 68-77-32, E-mail: adam-leviafun@mail.ru

Synakh Andrey Aleksandrovich –PhD in philosophy, associate professor
Sumy state university
Address: 2, Rimsky-Korsakov Str., main building, r. 710, Sumy, Ukraine, 40007
Phone: +38 (542) 68-77-32, E-mail: adam-leviafun@mail.ru